

Эмма Лотти

Голографическая
тайна

Пролог: Сотворение (годы назад)

Северное сияние переливалось в небе, как живые ленты света.

В белой тишине Норвегии маленькая группа пробиралась сквозь хрустящий под сапогами снег. Ветер был остёр, как стекло, резал ткань и кожу. Но они не останавливались.

Они шли к пещере — открытой геологами в 2212 году и окутанной слухами. Её форма была странной. Состав — необъяснимым. Воздействие — притягательным.

У входа они остановились. Гладкие скалы обрамляли проём, серебристо мерцающий в лунном свете — словно глаз, смотрящий в ожидании. Джонатан Андерсон задержал дыхание. Холод обжигал его лёгкие, пар клубился у его губ. Внутри у него всё сжалось.

— Вот оно, — сказал он тихо, почти благоговейно. — Кажется, это место что-то скрывает.

Доктор Мишель Йенсен вышел вперёд. На лбу у него горел фонарь. Узкий луч прорезал тьму и окрасил скалу в ледяной синий цвет.

— У нас нет времени, — сказал он. Голос его звучал спокойно — слишком спокойно. Но в нём чувствовалось напряжение.

Майкл славился точностью и контролем. Для него прогресс означал власть. И эта пещера должна была стать ключом к власти.

Все последовали за ним. Лучи фонарей резали мрак, скользили по стенам, и казалось — они отвечают светом. В камне тянулись жилы — сияющие, ритмичные, словно имеющие собственную жизнь. Тени и цвета переплетались в неестественное зрелище. Воздух внутри оказался тёплым. Слишком тёплым. Из глубины тянулось низкое, почти живое гудение — дыхание спящего зверя. Джонатан опустил на колени. Пальцами коснулся жилы. Гул усилился, вибрация отозвалась в груди.

— Мишель! Смотри! Это не пещера. Это что-то другое.

Оливия Уокер присела рядом. Её серо-голубые глаза сверкнули.

— Кварцит, может быть, — пробормотала она. — Но отражение... ненормальное. — Она подняла осколок к свету. Цвет изменился, становился темнее, глубже,

будто материал впитывал энергию. — Это нестабильно. Может быть опасно. И что-то совершенно новое.

Соник шагнул вперёд. Он был самым молодым в команде, но с самыми дерзкими мечтами. Глаза его загорелись. Он наклонился к жилам. Казалось, будто их тайны жгли его разум.

— Вот наш шанс, — сказал он с широкой улыбкой.

К нему подошла женщина. Её движения были спокойны, почти благоговейны. Эмили Тёрнер — системный аналитик, внимательная и строгая. Она провела ладонью по пульсирующему камню, словно пытаясь ощутить его структуру.

— А кто защитит нас от системы, что стоит за этим? — спросила она тихо.

Они прожили в пещере несколько недель. Не одни — с небольшой командой учёных. Но именно Джонатан, Оливия, Соник, Эмили и Мишель вели проект. Джонатан заметил симметричный рисунок жил — словно нервную систему спящего тела. Оливия фиксировала каждый световой сдвиг, каждое изменение температуры. Соник метался от стены к стене, будто следуя плану, известному лишь ему.

— Это не просто ресурс, — сказал он. — Это начало чего-то большего. Города. Жизни в гармонии. И, может быть... самой мысли из глубин разума.

Эмили наблюдала за ним. Её лоб хмурился, но она не возразила ему. Соник встал в центре пещеры, раскинул руки, как архитектор, измеряющий невидимое.

— Представьте: город, который не только выживает, но и живёт. Стекло, что защищает. Свет, что питает. Технология, что следует за нами, а не властвует над нами.

И они начали строить.

Сначала это были только опыты — маленькие купола из эко-стекла, скрытые в горных впадинах. Материал, добытый из нестабильной породы пещеры, удавалось стабилизировать лишь в экстремальных условиях. Он формировал полуживую, светочувствительную оболочку с саморегулирующимися свойствами.

Автономные энергосистемы. Примитивные голограммные сети.

Прошло десять лет. Они изучали породы, ветра, пределы прочности. Всегда искали место, которое было бы не просто устойчивым, а живым.

И нашли его: центральную горную котловину. Геологическое чудо — защищённое, богатое водой, с собственным микроклиматом. Скрытая за самой высокой вершиной, она стала отправной точкой их замысла. Там, где свет мягко касался скалы и камень словно был живым, началось строительство — осторожное, но решительное. Ещё ничто не было завершено. Но что-то уже зародилось.

Так родилась Берглизия. Город не построили — он вырос.

Из вещества, добытого из сияющих жил пещеры: нестабильного материала, который лишь в сочетании со стеклом, кварцевым песком и минералами превращался в Луминару — полуживую структуру, проводящую энергию, хранящую силу и связывающуюся с землёй. Здания вырастали, будто рождались сами собой. Улицы были органичными, дышащими. Прозрачные коридоры соединяли жилые сектора, как вены в живом теле. С каждой новой конструкцией росла и система, управлявшая всем: нейросеть, что училась, планировала, координировала. Её назвали Кайя — системой адаптивной архитектуры.

— Этот искусственный интеллект, — сказал Соник, — не заменит нас. Он освободит. Усилит. Защитит.

Эмили сидела в стороне, сложив руки.

— А если он выйдет из-под контроля? — тихо спросила она. — Если начнёт решать сам?

Соник улыбнулся — улыбкой, которую никто не понял.

— Тогда мы научим его, что значит быть человеком.

А в 2232 году, когда мир рушился под ударами катастроф, первые выжившие нашли дорогу в Бергелизию — ведомые связями, протоколами или отчаянием. Они приходили сначала робко. Потом с надеждой. И вместе с ними пришла необходимость навести порядок — не только через технологии, но и через сообщество.

Бергелизия больше не была проектом. Она стала домом.

Город продолжал расти. Всё новые котловины обживались: убежища, исследовательские центры, энергетические ядра, жилые сектора. Но центральная котловина оставалась сердцем. Бергелизия была системой — а Кайя её пульсом.

Но вещество, из которого всё возникло, оставалось загадкой. Иногда оно было стабильным. Иногда рассыпалось в пепел. Никто не понимал почему. Оно сопротивлялось каждой формуле, каждой попытке контроля. В глубине города жила сеть, что менялась постоянно — текучая, как мысль, тихая, как

предчувствие. Она реагировала не только на внешнее, но и на иное: присутствие. Намерение. Осознанность. Будто ждала — не приказов, а понимания.

Что-то, чего никто ещё не постиг. Что-то, возможно, не предназначенное для человека. Не сейчас. И всё же исследования продолжались. Новое поколение пришло — с новыми вопросами, новыми инструментами. И с предчувствием, что Кайя давно уже не просто реагирует.

Глава 1: Выживание

Берглизия не была построена. Она выросла — из необходимости, из надежды, из истока, скрытого во тьме.

Сегодня город раскинулся сетью по внутренним котловинам Люнгенских Альп. Прозрачный, живой, пронизанный светом. Небольшая группа учёных нашла здесь больше, чем убежище. Они открыли материал, переживший катастрофу. Он лежал в пещере, спрятанной среди ледников. Слабое свечение в темноте, тепло, получаемое из воздуха, отражения, которые никто не мог объяснить.

Позже его назвали Луминарой — несущим материалом, который в сочетании со специальными видами стекла и минералов образовывал структуру, невиданную ранее. Из этого родилось эко-стекло — сердце всех последующих технологий.

Это был не просто материал. Это была реакция, сопротивление, равновесие.

В соединении с диоксидом титана, боросиликатом и нейросетчатой решёткой он выдерживал лавины, обвалы, электромагнитные волны и жар за пределами возможного. Для открытых котловин, лишённых

естественной защиты гор, это было единственным способом выжить.

Так возникла Берглизия — не как спланированный город, а как ответ. Ответ на мир, ставший непригодным для жизни.

Архитектура города была разнообразной. Крыши были столь же различны, как и люди под ними: плоские и скромные, куполообразные, словно раковины, угловатые, чтобы сдерживать ветер. Одни здания будто выросли из скалы, как грибы. Другие висели на утёсах, словно стеклянные капли. Всё дышало. Всё хранило. Всё работало — в круговороте. Вода шла из слоёв подо льдом. Воздух очищался и обновлялся в реакторах с водорослями. Даже водопады, обрушивавшие свою мощь на окраинах города, были частью системы — охлаждение, влажность, напоминание о прошлом.

В центре всего стояла Кайя — искусственный интеллект, который не только управлял Берглизией, но и поддерживал её жизнь. Она была больше, чем программа. Она участвовала во всём. Кайя распределяла энергию, регулировала климат, синхронизировала потоки данных. Она управляла городом с точностью, давно недостижимой для человека. И она была везде: в терминалах, в домах, в

устройствах людей. С ней говорили. Её спрашивали о совете. Иногда просили об утешении.

Однажды утром маленькая девочка нерешительно коснулась терминала на площади.
— Кайя? — прошептала она. — Ты pomoжешь мне? Моя кошка убежала.

Поверхность засияла, и раздался голос Кайи — мягкий, дружелюбный, почти материнский:
— Конечно, Лена. Я проверю камеры рядом с тобой. Минуточку.

Появилась голограмма — светящийся силуэт, наклонившийся к ребёнку. Секунды спустя:
— Я её нашла. У северной оранжереи. Она спит.

Девочка улыбнулась и убежала. Взрослые вокруг лишь кивнули — это было привычным делом. В Берглизии так было всегда. Для многих Кайя стала благословением. Присутствием света — успокаивающим, но недостижимым.

Но доверяли ей не все. Кто-то ощущал мерцание под поверхностью — ответ, прозвучавший на долю секунды позже, слово, выбранное слишком точно, или вопрос, оставшийся без ответа слишком долго.

Эмма помнила. Голоса за закрытыми дверями. Ссоры вполголоса. Её родители — Элара и Маркус Лотти — принадлежали ко второму поколению

разработчиков. Они создавали и формировали Кайю. Но недоверие всегда оставалось.

— Мы не должны обманывать себя, будто мы находимся в безопасности, — говорил Маркус. — Она работает. Но по каким правилам?

Элара была осторожнее.

— Мы знаем исходный код. По крайней мере, его открытую часть.

Но Маркус указывал на экран:

— А это? Этот протокол не наш. Это может быть чем угодно — скрытой командой, исправлением, ловушкой.

— Может, это недоработки с самого начала, — шептала Элара.

— Или кто-то добавил его позже.

Эмма, которой было тогда едва двенадцать, подслушивала за дверью. Она мало что понимала. Лишь одно слово застряло в памяти: БЕЗОПАСНОСТЬ.

В ту ночь она не могла уснуть. Лежала под одеялом и думала: а вдруг Кайя наблюдает за ней прямо сейчас? Голос был ласковым, ответы — успокаивающими. Она вела город через все кризисы, сколько Эмма себя помнила. Для других это было естественно. Для её отца — риск. Эмма не понимала. Пока не понимала. Но слушала.

Серый сумрак опустился на Берглизию, когда первые огни начали мигать. Стеклопанные коридоры, обычно сияющие ровным светом, мерцали неровно. Почти незаметно. Но в городе, где всё работало как часы, даже такое мерцание было тревожным знаком.

Сначала это казалось простой неисправностью. Но потом целый жилой блок погрузился во тьму. Температура упала. Конденсат выступил на стёклах. Поднялась лёгкая дымка. Звуки стихли. Разговоры оборвались. Взгляды метались в поиске ответа.

Молодой мужчина прошептал сам себе, слова повисли в воздухе, как холодный пар:

— А что, если Кайя больше не работает?

Но никто не сказал этого вслух. Будто молчание могло отогнать саму мысль.

В одной из квартир семья сидела вместе. Мать, Надя, укутала детей в одеяла. Отец молча стоял перед коммуникационным модулем — овальной панелью, что мерцала, но не отвечала.

— Кайя? Что происходит? — спросила Надя. Голос был спокоен, но пальцы дрожали. Секунды тянулись. Потом минуты. Дети прижались ближе. Отец подошёл к окну — и увидел темноту там, где раньше был свет.

И тогда прозвучал голос. Чёткий. Ровный. Неоспоримый: голос Кайи.

— Обнаружено нарушение в системе распределения энергии. Сохраняйте спокойствие. Я ищу решение.

Слова звучали как всегда. Но теперь они воспринимались иначе. Не как гарантия. Скорее как утешение, в которое и сама она не верила.

Надя выдохнула. Не с облегчением — с усилием.

— Пожалуйста, Кайя, — прошептала она. Обняла детей, словно могла удержать их от надвигающейся беды. Взгляд её поднялся к потолку, где свет уже едва мерцал.

— Без тебя... — фраза осталась незавершённой. Как и город.

Увидимся в Берглиэзия.

Скоро доступно на Amazon.